

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-89-101

Влияние криминальной девиации на демографические процессы в Республике Башкортостан*

С.В. Егорышев

Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия
Институт социально-экономических исследований
Уфимского федерального исследовательского центра РАН
Ул. Менделеева, 215/4, Уфа, 450071, Россия
(e-mail: nauka@vegu.ru)

Современная демографическая ситуация в большинстве регионов России характеризуется действием ряда негативных тенденций, связанных с сокращением населения, его старением, уменьшением рождаемости и ростом смертности, перераспределением миграционных потоков и оттоком населения, в основном молодой и трудоспособной его части, в наиболее экономически развитые регионы, города и за рубеж. На состояние и направленность демографических процессов влияют многочисленные факторы. Действие этих факторов исследуется и учитывается при определении стратегий демографической и социально-экономической политики страны в целом и отдельных регионов. Вместе с тем на социально-экономическое развитие общества и конкретные составляющие этого развития, включая демографические процессы, влияют и социальные отклонения делинквентного и криминального характера. Деструктивные последствия криминальной девиации для демографических процессов не носят выраженного или критического характера, но проявляются как непосредственно (преждевременные людские потери), так и опосредованно (потери материальных и финансовых средств, повышенная смертность от алкоголя, наркотиков, самоубийств, исключение из социальной жизни лиц, заболевших или изолированных вследствие девиаций). Криминальная девиация как разновидность социальных отклонений деструктивного характера проявляется преимущественно в преступности, а также в тех девиациях, что становятся причиной и составом преступлений. На основе анализа статистических и социологических данных в статье на примере Республики Башкортостан рассматриваются негативные последствия криминальной девиации для демографической ситуации и утверждается необходимость поиска действенных мер для придания проявлениям криминальной девиации социально терпимого уровня (критерий эффективности таких мер).

Ключевые слова: социальные отклонения; криминальная девиация; региональный социум; демографическая ситуация; деструктивные тенденции; социально терпимый уровень девиации; меры минимизации криминальной девиации

Проблематика социальных отклонений (девиация) в силу своей чрезвычайной актуальности является одной из наиболее активно исследуемых в социологии. При этом специалисты больше внимания уделяют негативным, деструктивным проявлениям социальных отклонений, нежели их позитивным формам (творче-

* © Егорышев С.В., 2020.

Статья поступила 25.10.2019 г. Статья принята к публикации 20.11.2019 г.

ству). Причина, по-видимому, в том, что деструктивные формы отклонений оцениваются как наиболее опасные по направленности и последствиям и потому нежелательные для человеческого общества на всех уровнях его организации. В то же время позитивная девиация (общественные инициативы, новаторство, социальные движения и т.п.), напротив, направлена на обеспечение поступательного развития.

Выраженный интерес к проблеме социальных отклонений проявился в формировании различных подходов к их изучению. В отношении деструктивных форм социальных отклонений применяются понятия «делинквентность» и «делинквентное поведение» (алкоголизм, самоубийства, наркомания, токсикомания, проституция и т.п.) и «криминальное поведение» (преступность) [8. С. 447—448]. В последнее время перечень делинквентных форм поведения расширяется за счет кибер- и гэнг-стокерства, гемблинга, фрикинга и др. [16. С. 14].

В социологической литературе присутствует целый ряд дефиниций понятия «девиантное поведение», но во всех в качестве критерия оценки индивидуального и группового поведения выступает социальная норма, хотя П.А. Сорокин указывал на некоторую условность типологизации актов поведения в силу подвижности и противоречивости социальных норм, служащих мерилем их оценки [22. С. 56]. На фоне многообразия имеющихся определений наиболее конкретным и понятным выглядит определение, предложенное одним из основателей отечественной девиантологии Я.И. Гиляновским. Девиацию он определяет как «социальное явление, выражающееся в относительно массовых, статистически устойчивых формах (видах) человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, группе) нормам и ожиданиям» [3. С. 28]. Социальные отклонения, в том числе и прежде всего криминального характера, отличаются массовостью, повторяемостью, устойчивостью, взаимообусловленностью и взаимосвязью их видов и форм [5. С. 25]. Конечно, не все они являются криминальными, но если становятся причиной и предметом преступления, то их можно считать преступными.

Таким образом, признаком отнесения форм деструктивной девиации к криминальным является их причинно-следственная связь с преступностью. Эта взаимосвязь на примере влияния алкоголя на преступность была отмечена представителем сформировавшейся в конце XIX — начале XX века в уголовном праве социологической школы Г. Ашаффенбургом: «Разрушительное влияние алкоголя принадлежит к разряду тех причин преступления, которые изучены наиболее основательно и полно. Однако действие алкоголя как фактора преступления во всем его объеме может быть оценено только в том случае, когда последнее является непосредственным результатом его» [1. С. 62]. Это положение относится и к употреблению и распространению наркотиков, и к коррупции, и к другим проявлениям криминальной девиации. В качестве примера отметим, что в Республике Башкортостан, несмотря на снижение в последние годы (за 2015—2018 годы на 19%), уровень регистрируемой преступности остается сравнительно высоким. В расчете на 100 тысяч населения в 2018 году он составил 1413,3 (по России —

1337,8, по Приволжскому федеральному округу — 1287,8). В состоянии алкогольного и наркотического опьянения совершено 46,3% раскрытых преступлений (в Приволжском федеральном округе — 38,1%, в России — 32,4%). Демонстрирует тенденцию роста рецидивная преступность, увеличивается количество преступлений коррупционной направленности и фактов взяточничества, не удастся добиться существенного снижения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических и психотропных средств [11—14; 23].

Официальная статистика, заметно отличаясь в меньшую сторону от данных, которыми оперирует публицистика и Интернет, отражает только зарегистрированные преступления и заявления о преступлениях, по которым принято решение о возбуждении уголовного дела, — вне поля зрения статистики остаются незаявленные, латентные и ряд других видов преступлений. Так, например, в 2015 году в регионе правоохранными органами было принято 514 721 заявление о совершенных преступлениях (в 2016 году — 429 630, в 2017 — 432 601, в 2018 — 407 525), а доля заявлений, по которым были возбуждены уголовные дела, составила в 2015 году — 13,3%, в 2016 — 15,4%, в 2017 — 14%, в 2018 — 13,7% [11—14; 23]. Эти цифры характеризуют не только относительный характер официальной статистики, на что иронично указывал М. Твен и что серьезно отмечал итальянский криминолог и специалист по социологии уголовного права Э. Фэрри [27. С. 202], но и свидетельствуют о снижении эффективности правоохранительных органов в противодействии криминальной девиации.

В качестве примера можно указать на то, что из принятых правоохранителями республики в 2015 году решений об отказе в возбуждении уголовного дела 12,1% были отменены (в 2016 году — 13,1%, в 2017 — 10,9%, в 2018 — 11%). На 2,6% за этот четырехлетний период сократилось число выявленных лиц, совершивших преступления, и на 11% меньше стало установленных потерпевших. Крайне низка результативность и превентивных мер: с 2012 по 2017 годы правоохранительными органами региона было выявлено на стадии приготовления или покушения не более 5% зарегистрированных преступлений [10. С. 53].

Признаком преступления, отличающим его от другого действия, Э. Дюркгейм называл то, что «преступление оскорбляет чувства, обнаруживаемые у всех нормальных индивидов», это «поступок, задевающий сильные и определенные состояния коллективного сознания» [9. С. 382]. Действительно, криминальное насилие, помимо вреда обществу в виде людских и материальных потерь, закономерно вызывает в общественном сознании сильную тревогу и осуждение, не говоря уже о той физической и душевной боли, которую испытывают потерпевшие и их близкие. В ходе социологического опроса, проведенного в Республике Башкортостан под руководством автора статьи на тему «Состояние и динамика криминальной девиации в Республике Башкортостан и ее минимизации на региональном уровне» в ноябре—декабре 2018 года (объем выборки — 1000 человек), было установлено, что 26,7% респондентов постоянно и часто испытывают чувство тревоги за себя и близких под влиянием криминальной угрозы, 45,7% — испытывают это чувство редко, 19,2% — никогда. 52,6% респондентов указали на острый характер про-

блемы наркотизации, 34,8% — преступности в общественных местах, 30,3% — преступности в быту. На наш взгляд, признак «оскорбление чувств и чувство тревоги, вызванное ею» можно применять ко всем видам криминальной девиации, если они имеют выраженный характер. Эта выраженность определяется социологическими методами, которые позволяют зафиксировать социально терпимый или нетерпимый уровень преступности. Также к признакам криминальной девиации следует добавить выделенный Э. Фроммом «синдром распада, который побуждает человека разрушать ради ненависти» [26. С. 20], т.е. эта девиация носит ярко выраженный деструктивный, разрушительный характер.

Исходя из этих особенностей криминальную девиацию, не претендуя на завершенность дефиниции, мы определяем как разновидность социальной девиации деликвентного характера, выражающуюся в преступности и иных отклонениях (наркотизм, алкоголизм, мздоимство и т.п.), которые являются непосредственными причинами преступлений и диктуют их характер и деструктивность. Криминальная девиация оказывает тормозящее и нередко разрушительное воздействие на социальное развитие общества на всех уровнях его организации, в том числе отражаясь на демографическом состоянии страны и ее регионов. Поэтому при определении направлений совершенствования демографической политики следует выделять систему мер по минимизации проявлений криминальной девиации с целью доведения ее до социального терпимого уровня. Так, например, заявляя о развитии экономического потенциала, о росте экономического и социального благополучия, нельзя сбрасывать со счетов то, что за 2017 год материальный ущерб только по оконченным уголовным делам в республике составил около миллиарда рублей.

Рассмотрим тенденции, которыми характеризуется демографическая ситуация в Республике Башкортостан, и проанализируем, насколько на них влияют проявления криминальной девиации. С 2011 года статистика фиксирует ежегодное (за исключением 2013 года) сокращение численности постоянного населения Башкортостана, причем уменьшается не только общая численность жителей, но и количество людей трудоспособного возраста. Так, если в 2015 году в регионе проживало 4 071 987 человек, то в 2017 году — 4 063 293, на начало 2019 — 4 063 293. Из них лица трудоспособного возраста в 2015 году составляли 58,4%, в 2017 году — 56,4%, на 1 января 2019 года — 55,6% [19. С. 20]. При этом в силу экономических и социально-культурных поселенческих различий более высокий удельный вес населения трудоспособного возраста сохраняется в городах (56,5% в 2018 году), нежели в сельской местности (52,4%) [6. С. 6—7].

Тенденция уменьшения численности населения, включая находящихся в трудоспособном возрасте, наблюдается в последние годы во всех субъектах Приволжского федерального округа и в России в целом. Прирост имеет место только в пяти субъектах Российской Федерации (Ленинградская область, Санкт-Петербург и Севастополь, Республика Ингушетия и Чеченская Республика). Естественно, данная тенденция ведет к повышению демографической нагрузки, коэффициент которой в республике в 2015 году был равен 714, в 2017 году — 773, в 2018 — 797, а в начале 2019 — 820 [19. С. 8].

Тенденция снижения доли трудоспособного населения в регионе, как и в стране в целом, может усилиться за счет сокращения показателей естественного прироста и в связи с миграционной убылью. По данным статистики, в регионе в 2015 году родилось 59 028 детей, в 2017 году — 49 315, а в 2018 — 47 010. За период с 2011 по 2018 годы только в 2012 и 2014 годах фиксировался рост рождаемости, соответственно, на 105,8% и 101,6% к предыдущим годам [6. С. 50]. Наиболее заметно сокращение рождаемости в городах, где продолжает снижаться численность женщин репродуктивного возраста. Если для простого воспроизводства населения суммарный коэффициент рождаемости равен 2,15 в расчете на одну женщину этого возраста, то в республике в 2017 году он составлял 1,695, а по России — 1,621 [19. С. 14].

Снижение рождаемости на протяжении ряда лет происходит за счет как изменения брачно-возрастной структуры населения, так и широкого распространения внутрисемейного контроля рождаемости, т.е. намеренного ограничения рождений [2. С. 59]. Специалисты считают, что социально-биологический потенциал рождаемости в Республике Башкортостан реализуется лишь на треть от биологически возможного уровня, и при сложившихся демографических тенденциях в ближайшей перспективе возможно еще большее сокращение рождаемости [20. С. 188—190]. Соответственно, увеличивается численность людей старше трудоспособного возраста (в 2015 году — 902 891, или 22,2%, в 2017 — 2 294 078, или 23,4%), т.е. население региона стареет.

Характеризуя демографическую ситуацию, сложившуюся в России в целом и в Республике Башкортостан за последние десятилетия, исследователи отмечают, что особенностью ситуации стали два параллельных процесса: низкая рождаемость и высокая смертность, которые, по сути, ведут к резкому и катастрофическому сокращению населения и негативно отражаются на состоянии трудового потенциала страны [7. С. 6—7]. Самой распространенной и очевидной причиной сокращения людских ресурсов является смертность: в статистике ее причин выделяются внешние, которые связаны не с заболеваниями или старостью, а с внешними воздействиями умышленного (убийства, самоубийства) и неумышленного (несчастные случаи) характера [21]. В Республике Башкортостан наметилась тенденция снижения общей смертности населения с 54 024 человек в 2015 году до 50 440 — в 2018. Общий коэффициент смертности в расчете на 1000 жителей равен 12,4 (для сравнения: рождаемости — 11,6). Сохраняется более высокий уровень смертности среди сельского населения: коэффициент смертности в 2018 году составил 14,6, в городах — 11,1.

Если рассматривать смертность населения региона только от внешних причин, то она также снижается и составила в 2016 году 10,1% от числа умерших, а в 2018 — 8,9%. Среди этих причин преобладают самоубийства: на них в среднем приходится 20% смертей от внешних причин, а на убийства — 4,5% (табл. 1). Несмотря на проявившуюся с 2012 года тенденцию сокращения числа суицидов, которые А. Камю называл «исходом абсурда» [15. С.26], их уровень остается выше средних показателей по стране. Так, например, в 2017 году в республике на 100 тысяч человек приходилось 22 смерти в результате суицида, а по России —

14 [18. С. 29]. Статистика фиксирует и сокращение числа убийств, но это примерно в три раза меньше тех, кто погиб не сразу в результате преступления, а через некоторое время. И, конечно, не все внешние причины являются по характеру криминальными. Например, в 2017 году в республике по различным причинам было травмировано 448297 человек, из которых 1169 получили тяжкий вред здоровью в результате криминальной агрессии или доведения до самоубийства. Проявления криминальной девиации в демографическом развитии регионального социума имеют не только прямые негативные последствия в виде преждевременной насильственной смерти или травмирования людей, но и в целом усложняют криминогенную обстановку (табл. 1) [5; 11—14; 23].

Криминальная девиация в целом сдерживает социально-экономическое развитие, проявляясь в больших материальных, в том числе финансовых, потерях, в исключении из активной социальной жизни и производительного труда значительного числа людей, ставших алкоголиками и наркоманами, заболевших психическими заболеваниями, осужденных к лишению свободы за преступления и т.п. Все это, пусть косвенно, влияет на показатели рождаемости, продолжительности жизни и смертности, на качество жизни, состояние общественного сознания, в целом на атмосферу в обществе. Вместе с тем, в силу выраженной латентности влияния криминальной девиации на смерть людей, учитывать эти данные необходимо. Так, рост смертности наблюдался в 52 субъектах федерации, в том числе в 13 субъектах Приволжского федерального округа, за исключением Республики Мордовия. Но увеличение числа умерших в основном происходило за счет уходящих из жизни старших возрастных групп, смертность же лиц трудоспособного возраста не возросла, а, напротив, несколько снизилась [6. С. 25]. Мужчин в этом возрасте умирает заметно больше: в 2015 году — 11 920 мужчин и 3087 женщин, в 2017 — соответственно 10 010 и 2577 [6. С. 87]. В трудоспособном возрасте по мере увеличения числа лет растет и смертность: наибольшее число умерших приходится на период 55—59 лет. Однако, несмотря на снижающуюся динамику смертности в трудоспособном возрасте, регион заметно отстает от общероссийских показателей.

Таблица 1

**Людские потери от проявлений криминальной девиации
в Республике Башкортостан (2015—2018, ед.)**

Людские потери	Годы			
	2015	2016	2017	2018
Всего умерших от всех причин	54 024	52 330	50 387	50 440
Количество умерших от внешних причин	5 905	5 286	4 651	4 485
в том числе				
в результате несчастных случаев	4 323	3 871	3 550	3 485
в том числе от отравления алкоголем	288	146	151	211
Число лиц, совершивших самоубийство	1 260	1 150	877	827
Количество людей, погибших в результате преступлений	992	803	783	—
в том числе убито	322	265	224	173
Количество лиц, которым был причинен тяжкий вред здоровью	1 331	1 295	1 169	—
Выявлено лиц, совершивших преступления	27 014	29 482	27 913	26 309

Подобная демографическая ситуация характерна для многих развитых стран с устойчивой тенденцией старения населения, последствия которой преодолеваются целым комплексом мер экономического (развитие производительных сил и рост производительности труда), социального (улучшение качества жизни и продление активного долголетия), политического (миграционная политика), экологического (здоровая среда, охрана труда) и духовного (ценности здорового образа жизни) характера. В нашей стране и в Республике Башкортостан подобные меры также применяются. Так, Указ Президента России «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» направлен на достижение устойчивого естественного прироста населения и значительное повышение ожидаемой продолжительности жизни [25]. Задачи демографической политики на региональном уровне были конкретизированы в Концепции демографической политики Республики Башкортостан на период до 2025 года и в Указе Главы региона «О стратегических направлениях социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2024 года», где поставлена задача добиться ежегодного роста численности населения на 10 тысяч человек, доведя ее до 4,1 млн (на 1 января 2019 года она составила 4 063 293 человек [24]). Кроме того, на эффективное решение задач демографической политики направлены и реализуемые в настоящее время национальные проекты.

Вместе с тем в силу специфики социально-экономического развития страны и регионов кардинально повлиять на демографическую ситуацию не удастся, хотя наблюдаются позитивные подвижки, например, рост ожидаемой продолжительности жизни, увеличение числа граждан, ведущих здоровый образ жизни и т.п. Так, в регионе в 2017 году ожидаемая продолжительность жизни составила 71,73 лет (в среднем по России — 72,7 лет): по значению этого показателя республика находится на 45 месте среди субъектов федерации и на 11 месте в Приволжском федеральном округе.

Существенным фактором, определяющим демографическую ситуацию в Республике Башкортостан, являются миграционные процессы — международные, межрегиональные и внутрирегиональные, которые характеризуются нестабильностью. Например, с 2013 по 2018 годы имела место тенденция миграционной убыли населения (в 2015 году составила 5927 человек, в 2016 году — 7390, в 2017 — 2607, в 2018 — 8858) [6. С. 129]. В 2018 году отрицательное сальдо межрегиональной и международной миграции составило, соответственно, 7827 и 1031 человек, и, естественно, миграционная убыль в основном приходится на людей трудоспособного возраста: в 2015 году — 5942 человека, в 2016 и 2017 — соответственно 6625 и 1100 [6. С. 150]. Наиболее характерна миграционная убыль для сельской местности: из 8858 человек, покинувших регион в 2018 году, на село пришлось 7018 (79,2%), на город — 1840 (20,8%). На село приходится и основной объем маятниковой миграции. В целом ежегодно из республики на заработки уезжают 150 тысяч человек [17. С. 22]. В основном миграционная убыль населения региона обеспечивается межрегиональной, в пределах России, миграцией.

Миграционные процессы отражаются не только на демографической ситуации в регионе, но и на криминогенной обстановке (табл. 2) [6; 19; 23]. Мигранты становятся субъектами преступлений и в качестве жертв, и в качестве правона-

рушителей, и в качестве благоприятной среды для совершения преступных деяний, связанных с миграцией. Например, в 2016 году в республике правоохранительными органами было выявлено 28 фактов незаконной миграции и 431 случай фиктивной постановки на учет иностранных граждан. В 2018 году за нарушения правил въезда на территорию Российской Федерации или режима пребывания в стране решением суда за ее пределы было выдворено 1032 мигранта, что на 2,2% больше, чем в 2017 году [14]. Влияние криминальной девиации на демографические процессы в Республике Башкортостан не носит выраженного или критического характера, но все же имеет место.

Таблица 2

**Влияние миграции на криминогенную обстановку
в Республике Башкортостан (ед. и % прироста и убыли)**

Криминальные проявления	Годы			
	2015	2016	2017	2018
Совершено преступлений иностранными гражданами и лицами без гражданства	288 (–18,6%)	355 (+23,3%)	422 (+18,9%)	280 (–33,8%)
Совершено преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства	182 (+11,0%)	147 (–19,2%)	188 (+27,9%)	170 (–9,8%)

В свою очередь, демографический фактор также оказывает влияние на криминальную девиацию: это половозрастная и поселенческая структуры преступности (в городах и сельской местности, женская преступность, преступность несовершеннолетних и мигрантов, безработных и др.). Каждый вид преступности характеризуется особыми причинами, составом, последствиями и тенденциями. Например, в 2017 году в Республике Башкортостан преступления, совершенные в городах и поселках городского типа, составили 69,3% зарегистрированных преступных деяний. В этом же году из числа выявленных лиц, совершивших преступления (27913), женщины составили 12,9%, а несовершеннолетние — 3,9% [13].

При разработке стратегий, программ, планов и прочих документов, определяющих направления совершенствования демографической политики, правоохранительных практик и социально-экономического развития важно учитывать взаимовлияние криминогенных и демографических факторов. Следует согласиться с Я.И. Гилинским, подчеркнувшим, что «одни и те же социальные, экономические, политические, психологические и прочие факторы воздействуют на любое поведение людей. Поэтому являются ли „криминогенные“ факторы криминогенными? Да. Но в равной степени алкогенными, наркогенными, суицидогенными, „порождающими“ творческую активность и обыденную, повседневную жизнедеятельность» [4. С. 9].

Человечество на протяжении всей своей истории стремится противодействовать деструктивным проявлениям социальных отклонений, но результаты этого противодействия различны и часто далеки от ожидаемых: государство и общество совершенствовали законодательство, практику правового и нравственного контроля, расширяли состав и реформировали работу правовых институтов и организаций, улучшали имеющиеся и разрабатывали новые средства, технологии и методы противодействия. Очевидно, что преодолеть девиацию вообще невозможно.

В юридической и социологической литературе все больше авторов разделяют тезис Э. Дюркгейма и П. Сорокина, что девиация, в том числе преступность, не противопоставлена обществу, а сопровождает его — это часть реального поведения, своего рода социально-правовая конструкция [9. С. 463—464; 22. С. 63—65]. Следовательно, речь может идти преимущественно о минимизации проявлений криминальной девиации и доведения ее до социально терпимого уровня, чего невозможно добиться наказанием, запретом или общественным осуждением — только формированием в общественном сознании устойчивого и активного неприятия девиаций, а также вытеснением деструктивных видов девиации и замещением их социально полезными видами, включая социальное творчество.

При определении стратегии и тактики противодействия проявлениям криминальной девиации необходимо учитывать ее природу и определять ее социально терпимый уровень. Не менее важно и совершенствование мер и технологий, используемых различными субъектами, прежде всего правоохранительными органами, в работе по снижению уровня и сокращению форм криминальной девиации. В ходе нашего исследования экспертам (выборка — 50 человек; преподаватели и слушатели Академии управления МВД России в Москве и руководители служб и отделов МВД по Республике Башкортостан в Уфе) было предложено проранжировать в зависимости от силы влияния возможные меры воздействия на криминальную девиацию (табл. 3). Эксперты отдали предпочтение, прежде всего, превенции криминальной девиации (предотвращение и профилактика), результативность которой они оценивают как «среднюю», раскрытию преступлений, поскольку это один из главных критериев оценки их работы, а также мерам, направленным на усиление ответственности за правонарушения. Меры, применение которых связано со взаимодействием с социальной средой, оцениваются скромнее. Каждый третий эксперт (31,3%) указал на необходимость разработки и апробации таких мер влияния на социальные отклонения, которые учитывали бы исторические, этнические, конфессиональные и в целом культурные особенности региона.

Таблица 3

Оценка экспертами влияния мер, направленных на снижение уровня и сокращение форм проявления криминальной девиации

Мера влияния	%	Ранг по сумме показателей «влияние очень существенное, сильное» и «влияние заметное»
Усиление работы по предотвращению криминальной и других форм девиаций	84,7	1
Повышение эффективности профилактики отклонений	75,4	2
Усиление работы по раскрытию преступлений	73,8	3
Ужесточение санкций за нарушение правовых норм	68,1	4
Криминализация правовых норм	65,2	5
Научно обоснованное прогнозирование тенденций криминальной и других форм социальных отклонений, мониторинг их проявлений и эффективности мер противодействия	50,3	6
Широкое привлечение общественности	44,6	7
Декриминализация правовых норм	40,9	8
Создание действенного механизма социального контроля	37,5	9
Активное воздействие на массовое сознание с целью формирования нетерпимого отношения к проявлениям криминальной девиации	30,4	10
Замещение девиантных форм социально полезными	26,8	11

Отмечая низкий уровень взаимодействия правоохранительных органов с общественными организациями в деле противодействия проявлениям криминальной девиации, эксперты (57,1%) в ряде институтов, которые, на их взгляд, имеют наибольшие возможности влиять на уровень и формы криминальной девиации, наряду с правоохранительными органами (78,4%) поставили семью (75,3%), образовательные организации (68,4%), трудовые коллективы (63,8%), органы власти и управления (58,2%), общественные формирования правоохранительной направленности (50%), средства массовой информации (48,4%), социальную рекламу (40%) и органы здравоохранения (37,5%). Потенциал влияния политических партий, профессиональных союзов, общественных организаций не правоохранительного профиля эксперты оценили значительно ниже (20,7—14,4%). Оценки экспертов говорят о том, что серьезным потенциалом минимизации проявлений криминальной девиации обладают те социальные институты, которые во взаимодействии с органами социального обеспечения и защиты могут позитивно влиять и на демографическую ситуацию. Благоприятная социальная среда в одинаковой мере необходима и для улучшения демографической ситуации, и для снижения проявлений криминальной девиации и ее влияния на демографическую ситуацию.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 18-411-020007 «Состояние и динамика криминальной девиации в Республике Башкортостан и ее минимизации на региональном уровне».

Библиографический список

- [1] *Ашафенбург Г.* Преступление и борьба с ним: Уголовная психология для врачей, юристов и социологов. М., 2013.
- [2] *Борисов В.А.* Демографическая дезорганизация России: 1897—2007. Избранные демографические труды. М., 2007.
- [3] *Гилинский Я.И.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб., 2007.
- [4] *Гилинский Я.И.* Преступность — что это? Кто виноват? Что делать? // Вестник КЮИ МВД России. 2019. № 1.
- [5] *Гогель С.К.* Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. М., 2010.
- [6] Демографические показатели муниципальных образований Республики Башкортостан. Уфа, 2018.
- [7] Демографический потенциал Республики Башкортостан: состояние и тенденции развития / Отв. ред. Р.М. Валиахметов, Г.Ф. Хилажева; сост. Н.К. Шамсутдинова. Уфа, 2013.
- [8] Добренъков В.И., Кравченко А.И. Социология. Т. 3. М., 2000.
- [9] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесл. А.Б. Гофмана. М., 1990.
- [10] *Егорышев С.В.* Правоохранительные органы Республики Башкортостан в противодействии криминальной девиации // Вестник ВЭГУ. 2018. № 6.
- [11] Итоги деятельности МВД по РБ за январь—декабрь 2015 года // <https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti>.
- [12] Итоги деятельности МВД по РБ за январь—декабрь 2016 года // <https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti>.
- [13] Итоги деятельности МВД по РБ за январь—декабрь 2017 года // <https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti>.

- [14] Итоги деятельности МВД по РБ за январь—декабрь 2018 года // <https://02.xn--b1aew.xn--plai/slujba/itogi-dejatelnosti>.
- [15] Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / Пер. с фр. М., 1990.
- [16] Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения. Казань, 2013.
- [17] Лежнев Ю. Люди уезжают из-за работы, учебы и по личным обстоятельствам // «МК» в Башкортостане. 2019. 10—17 июля. № 29.
- [18] О самоубийствах в Республике Башкортостан. Уфа, 2017.
- [19] Республика Башкортостан. Демографический доклад. Вып. 3 / Под общ. ред. Г.Ф. Хилажевой, Н.К. Шамсутдиновой. Уфа, 2018.
- [20] Скрябина Я.А. Особенности репродуктивного поведения населения в условиях трансформационной российской экономики. Уфа, 2012.
- [21] Смертность населения от внешних причин в России с середины XX века / Под ред. А.Г. Вишневого. М., 2017.
- [22] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. М., 1992.
- [23] Состояние преступности в России за январь—декабрь 2018 г. М., 2019.
- [24] Указ Главы Республики Башкортостан от 23 сентября 2019 года № УГ-310 «О стратегических направлениях социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2024 года» // <https://nra.bashkortostan.ru/25191>.
- [25] Указ Президента Российской Федерации от 7.05.2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // <http://kremlin.ru/acts/bank/43027>.
- [26] Фромм Э. Душа человека. М., 1992.
- [27] Фэрри Э. Уголовная социология. М., 2009.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-89-101

The influence of criminal deviation on the demographic processes in the Republic of Bashkortostan^{*}

S.V. Egoryshev

Eastern Economic and Law Humanitarian Academy
Institute of Social and Economic Research
of the Ufa Federal Research Center of the RAS
Mendeleeva St., 215/4, Ufa, 450071, Russia
(e-mail: nauka@vegu.ru)

Abstract. The current demographic situation in most regions of Russia is characterized by a number of negative trends associated with population decline, aging, low birth rate, high mortality, redistribution of migration flows and outflow of population, mainly of its young and working-age part, to the most economically developed regions, cities and abroad. Numerous factors influence the state and trends of demographic processes; this influence is studied and taken into account when the strategies of the demographic and social-economic policies of the country as a whole and its regions are considered. The social-

^{*} © S.V. Egoryshev, 2020.

The article was submitted on 25.10.2019. The article was accepted on 20.11.2019.

economic development and its specific components including demographic processes are also determined by social deviations of a delinquent and criminal nature. The destructive consequences of criminal deviation for demographic processes are not obvious or critical, but they are manifested both directly (human losses) and indirectly (material and financial costs, increased mortality from alcohol, drugs, suicides, social exclusion of people who are sick or isolated due to deviations). Criminal deviation as a type of destructive social deviations is manifested mainly in crime and in those deviations that are its cause and corpus delicti. Based on the analysis of statistical and sociological data on the Republic of Bashkortostan, the author considers negative consequences of criminal deviation for the demographic situation and insists on the need to find effective measures to reduce them to a socially acceptable level (a criterion of such measures effectiveness).

Key words: social deviations; criminal deviation; regional society; demographic situation; destructive trends; socially acceptable level of deviation; measures to minimize criminal deviation

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 18-411-020007 “The state and dynamics of the criminal deviation in the Republic of Bashkortostan and its minimization at the regional level”.

References

- [1] Ashaffenburg G. *Prestuplenie i borba s nim: Ugolovnaya psikhologiya dlya vrachei, yuristov i sotsiologov* [Crime and Fight against It: Criminal Psychology for Doctors, Lawyers, and Sociologists]. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [2] Borisov V.A. *Demograficheskaya dezorganizatsiya Rossii: 1897—2007. Izbrannye demograficheskie trudy* [Demographic Disorganization of Russia: 1897—2007. Selected Demographic Works]. Moscow; 2007 (In Russ.).
- [3] Gilinsky Ya.I. *Deviantologiya: sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiits i drugikh “otklonenii”* [Deviantology: Sociology of Crime, Drugs, Prostitution, Suicides and Other ‘Deviations’]. Saint Petersburg; 2007 (In Russ.).
- [4] Gilinsky Ya.I. *Prestupnost — chto eto? Kto vinovat? Chto delat?* [Crime — what is it? Who is to blame? What to do?]. *Vestnik KYul MVD Rossii*. 2019; 1 (In Russ.).
- [5] Gogel S.K. *Kurs ugolovnoi politiki v svyazi s ugolovnoi sotsiologiei* [A Course on Criminal Policy in Connection with Criminal Sociology]. Moscow; 2010 (In Russ.).
- [6] *Demograficheskie pokazateli munitsipalnykh obrazovaniy Respubliki Bashkortostan* [Demographic Indicators of Municipalities in the Republic of Bashkortostan]. Ufa; 2018 (In Russ.).
- [7] *Demografichesky potentsial Respubliki Bashkortostan: sostoyanie i tendentsii razvitiya* [Demographic Potential of the Republic of Bashkortostan: State and Development Trends]. *Otv. red. R.M. Valiakhmetov, G.F. Khilazheva; sost. N.K. Shamsutdinova*. Ufa; 2013 (In Russ.).
- [8] Dobrenkov V.I., Kravchenko A.I. *Sotsiologiya* [Sociology]. Vol. 3. Moscow; 2000 (In Russ.).
- [9] Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [Division of Labor in Society. The Rules of Sociological Method]. *Per. s fr. i poslesl. A.B. Gofmana*. Moscow; 1990 (In Russ.).
- [10] Egoryshev S.V. *Pravookhranitelnye organy Respubliki Bashkortostan v protivodeistvii kriminalnoi devyatsii* [Law enforcement agencies of the Republic of Bashkortostan in the fight against criminal deviation]. *Vestnik VEGU*. 2018; 6 (In Russ.).
- [11] *Itogi deyatelnosti MVD po RB za yanvar—dekabr 2015 goda* [The results of the activities of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Bashkortostan in January—December of 2015]. <https://02.xn--b1aew.xn--plai/slujba/itogi-deyatelnosti> (In Russ.).
- [12] *Itogi deyatelnosti MVD po RB za yanvar—dekabr 2016 goda* [The results of the activities of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Bashkortostan in January—December of 2016]. <https://02.xn--b1aew.xn--plai/slujba/itogi-deyatelnosti> (In Russ.).

- [13] Itogi deyatelnosti MVD po RB za yanvar—dekabr 2017 goda [The results of the activities of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Bashkortostan in January—December of 2017]. <https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-deyatelnosti> (In Russ.).
- [14] Itogi deyatelnosti MVD po RB za yanvar—dekabr 2018 goda [The results of the activities of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Bashkortostan in January—December of 2018]. <https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-deyatelnosti> (In Russ.).
- [15] Camus A. *Buntuyushchy chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo* [The Rebel. Philosophy. Policy. Art]. Moscow; 1990 (In Russ.).
- [16] Komlev Yu.Yu. *Teorii deviantnogo povedeniya* [Theories of Deviant Behavior]. Kazan; 2013 (In Russ.).
- [17] Lezhen Yu. Lyudi uezzhayut iz-za raboty, ucheby i po lichnym obstoyatelstvam [People leave looking for job, to study and for personal reasons]. *MK v Bashkortostane*. 2019; 29 (In Russ.).
- [18] O samoubiistvakh v Respublike *Bashkortostan* [On Suicides in the Republic of Bashkortostan]. Ufa; 2017 (In Russ.).
- [19] Respublika Bashkortostan. Demografichesky doklad. Vyp. 3 [Republic of Bashkortostan. Demographic Report. Issue 3]. Pod obshch. red. G.F. Khilazhevoi, N.K. Shamsutdinovoi. Ufa; 2018 (In Russ.).
- [20] Skryabina Ya.A. *Osobennosti reproduktivnogo povedeniya naseleniya v usloviyakh transformatsionnoi rossiiskoi ekonomiki* [Features of the Population Reproductive Behavior in the Transformational Russian Economy]. Ufa; 2012 (In Russ.).
- [21] Smertnost naseleniya ot vneshnikh prichin v Rossii s seredine XX veka [Mortality from External Causes in Russia in the Mid-20th Century]. Pod red. A.G. Vishnevskogo. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [22] Sorokin P.A. *Chelovek. Tsvilizatsiya. Obshchestvo* [Person. Civilization. Society]. Obshch. red., sost. i predisl. A.Yu. Sogomonov. Moscow; 1992 (In Russ.).
- [23] Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar—dekabr 2018 g. [Criminal situation in Russia in January—December of 2018]. Moscow; 2019 (In Russ.).
- [24] Ukaz Glavy Respubliki Bashkortostan ot 23 sentyabrya 2019 goda № UG-310 “O strategicheskikh napravleniyakh sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Bashkortostan do 2024 goda” [Decree of the Head of the Republic of Bashkortostan from September 23, 2019 No. UG-310 “On the strategic directions of the social-economic development of the Republic of Bashkortostan until 2024”]. <https://npa.bashkortostan.ru/25191> (In Russ.).
- [25] Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 7.05.2018 g. “O natsionalnykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2024 goda” [Decree of the President of the Russian Federation from May 7, 2018 “On the national and strategic goals in the development of the Russian Federation until 2024”]. <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (In Russ.).
- [26] Fromm E. *Dusha cheloveka* [Human Soul]. Moscow; 1992 (In Russ.).
- [27] Ferri E. *Ugolovnaya sotsiologiya* [Criminal Sociology]. Moscow; 2009 (In Russ.).